

Артур Ктеяни

Стихи

Артур Ктеянц

СТИХИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57096793

ISBN 978-5-0051-1456-3

Аннотация

– Но как поверить мне глазам своим
По водам ходишь, значит, ты святая?
– Нет. Я всего лишь провожаю стаю,
Мы ищем Новый Иерусалим.
Отец, Киты, которых ты убил,
Мне подставляют порванные спины,
И мы плывём сквозь темные глубины.
Плывём, отец, к такому Рождеству,
Где прозвучит: «Не бойтесь, только верьте».
Здесь, постепенно привыкая к смерти,
Я начинаю думать, что живу.

Содержание

«Подключи меня к этому небу...»	5
«Мой Санта, для того, чтоб ты пришел...»	7
Маме	9
Одному сказочнику	10
А.К.	13
Письма из Армении	20
Литвиновичу	23
Письма из ссылки	33
Электронное письмо буддисту	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Стихи

Артур Ктеянц

© Артур Ктеянц, 2020

ISBN 978-5-0051-1456-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Подключи меня к этому небу...»

Подключи меня к этому небу,
Раствори в ледяной реке,
Очень хочется стать никем,
Тихим озером, свежим хлебом.

Покажи мне тот старый дом,
Где черничное поле слышит
Разговор черепичной крыши
С одиноким хмельным дождем.

Пахнут яблоки мертвым садом.
Помнишь, мастер искал покой?
Здесь до ада подать рукой.
Расскажи мне, что делать надо...

По безумным ночным законам
Мне приснилась большая вода.
Оказавшись во чреве кита,
Мы сидели у ног Ионы

Где последних две тысячи лет,
Ты читала мне вслух Ремарка
И Евангелие от Марка,
И шептала, что смерти нет,

Будто время ножи наточит,
Разгоняя духовный мрак.

Каждый день я живу не так,
Как себе обещаю ночью.

«Мой Санта, для того, чтоб ты пришел...»

Мой Санта, для того, чтоб ты пришел,
Мы до утра не закрывали двери,
С тех пор я сильно обмельчал душой,
И потому, в тебя уже не верю.
Но все равно пишу тебе, ведь ты,
Живёшь в сознании моего ребенка,
А там ни смерти нет, ни пустоты.

Там тонко всё, настолько, Санта, тонко...

Хрустальный сон ее не урони,
Где счастье помещается в игрушку,
Прошу тебя, храни ее, храни,
От временных порезов и бинтов,
Суицидальных голубых китов.

Мне кажется, ты очень одинок,
Как Сэлинджер, что прячется от мира,
Боясь что Холден Колфилд победил.

Теперь прошу терпения и сил,
Но если бы ты время воротил,
Я попросил бы у тебя отваги,

Господь мне выдал кожу из бумаги,
И полные артерии чернил.

По правде говоря – какой ты дед?
Поэтому и называю Сантой.
Поэты говорят, что смерти нет...

Есть только дама:
Белые пуанты,
Сухая грудь затянута в корсет,
Пока ты здесь, она не смеет... Санта

Маме

В детстве всё было ясно:
варенье – пир, садик – тюрьма,
убивать насекомых – грех.
Там, где кончается коврик – кончается мир.
Мама – вселенная, папа – сильнее всех.

Помнишь, мы ждали зиму,
под Новый год,
только поющее сердце поймет,
откуда
эта уверенность – скоро случится чудо,
небо на Землю во всей полноте сойдет.

Может быть в это время
в безлюдном храме,
Дух отражался в прозрачной
святой воде,
и мы ничего не знали
о той звезде,
что повела за собой
пастухов с волхвами.

Одному сказочнику

Покажи мне начало жизни в одной строке,
Лабиринтами книжек на ощупь веди к истокам,
Где пустыня оправдана тем, что не знает пророка,
И еще Иоанн никого не крестил в реке.

Расскажи, почему ты придумал хрустальных пчел
И безликую ведьму, способную быть слабой,
Я не плакал над книжкой давно, а теперь, как баба,
Как плаксивая баба рыдаю в твое плечо.

Ведь последняя сказка, которую ты написал,
Будто в поисках рифмы в моей голове кружит,
Если в тексты уходишь как в проклятые леса,
Даже страшно спросить: «настоящая жизнь – хуже?».

У тебя целый город спустился на дно реки,
Одинокий башмачник медведя убил руками,
Белый клин журавлей из бумажного оригами.

У меня ничего не пишется от руки.

Каждый день я иду за тобой в холодину храма,
Литургия, иконные лики глядят из мрака.

Начинаем с нуля, Авраам родил Исаака,
Остальное тебе перед сном говорила мама...».

Иногда я пишу тебе письма
с пометкой «в ад»,
где густые туманы
стекая в осенний сад,
переходят на шёпот,
когда о тебе говорят:
«нам доверили тайну,
хотя, мы ещё не в теме».

Я сажу, как бродяга,
один в ледяной ночи,
говорят, ты совсем недавно
была в Керчи.
Твоё имя, настойкой полыни
во рту горчит,
так и хочется крикнуть:
«пошла ты, ещё не время».

Ты за руку проводишь святых
к своему венцу,

потерявшие мать, каждый вечер
звонят отцу,
если честно, то этот октябрь
тебе к лицу,
а с другой стороны,
ну кому не к лицу октябрь?

А.К.

Поговори со мной о тех местах,
Где солнце отражается в крестах,
И колокол звучит по наши души.

Еще ненапечатанный роман,
Пытается свести меня с ума,
Скажи мне, чтобы я его не слушал.

Поговори со мной о чудесах,
О том, как ночь, качаясь на весах,
Осенним утром оголяет спину,

Напомни, что Господь непобедим,
Что мы весною в Грузию летим,
Искать равноапостольную Нину.

Скажи мне в сотый раз, что смерти нет,
О том, как дышит текстами поэт,
Как старое пальто снимая кожу,

Где сеятель разбросил семена,
Идет война, давно идет война,
И мы с тобой сражаемся, как можем.

Представь себе открытый океан,
Где старый китобой с бутылкой рома,
Мечтает снова оказаться дома,
И видит дочь сквозь утренний туман.

Она идёт по водам, так легко,
Как шел апостол к своему мессии,
И это так пронзительно-красиво,
Идти «сквозь ледяную цепь веков».

– Но как поверить мне глазам своим,
По водам ходишь, значит ты святая?

– Нет. Я, всего лишь провожаю стаю,
Мы ищем Новый Иерусалим.

Отец, Киты, которых ты убил,
Мне подставляют порванные спины,
И мы плывём сквозь темные глубины.

Плывём, отец, к такому Рождеству,
Где прозвучит: «не бойтесь, только верьте».
Здесь, постепенно привыкая к смерти,

Я начинаю думать, что живу.

Милая, этой зимой, в больших снегах,
Мне повстречался кочевник с прозрачной кожей.
И вот теперь я знаю того, кто может
С помощью имени уничтожать «врага».

Больше семи веков он совсем один,
Ищет ещё неназванных на планете.
Он в палестинских пустынях бродил, как ветер
И наконец, добрался до вечных льдин,

Чтобы в пределах своих ледяных чертогов,
Мертвой реке прошептать: «ты ещё жива».
Он и предчувствие может одеть в слова,
Так появилось холодное слово «тревога».

Больше никто не верит смешным приметам,
Каждый теперь отмечен своим венцом.
Просто безликий мир приютил поэта,
И в благодарность за это обрёл лицо.

То, что рождало на сердце густой туман
И превращало ливанские кедры в плаху,

Он иногда называл первобытным страхом...
Милая, мне бы о нем написать роман.

Он рассказал мне историю мира вкратце,
И несмотря на то, что грядет война,
Я назову твои страхи по именам,
И больше нечего будет тебе бояться.

Она говорит:
«Мы построим корабль бумажный,
Сплетем паруса из клубка паутинных нитей,
Ведь мы же мечтали в открытое море выйти,
Есть только вино и стихи, остальное не важно.

Ты только пиши, что бы ни было там, пиши,
Создай человека в тумане графитной пыли,
И если в ответе за тех мы кого приручили,
Позволь мне остаться в пределах твоей души.

А помнишь, ты мог поворачивать время вспять?
Скажи только, я принесу карандаш, бумагу»,
А мне бы «Старик и море» перечитать,
И научиться мужеству у Сантьяго.

Она говорит:

«Нас такими придумал Бог,
За вычетом частного ада – мы воины света,
До встречи с тобой я жила за плечом поэта,
Которого бесы буквально сбивали с ног.

Не бойся, я буду с тобой до последних дней,
Ты только не думай о смерти, забудь о ней.

Когда мы навстречу шторму пойдём вдвоем,
И темные воды придут за своей наживой,
Ты просто напишешь два слова: «остались живы»,
Всего лишь два слова, и мы никогда не умрем.

Думаешь ты в безопасности?
Мятный чай,
Свитер с оленями больше на два размера.
Знай же – на книжной полке, спиной к Гомеру,
Томик стихов просыпается по ночам,

И шелестит страницами. в тонком сне
Он говорит с тобой только о самом важном,
Слышно, как борется сердце его отважно
С глубоководным текстом, на самом дне.

Каждую ночь ты общаешься с тем поэтом,
Но просыпаясь не помнишь уже об этом.

Не попади в эти ритмы при свете дня,
Можешь рассыпаться мелкой гранитной крошкой,
Несколько лет эта книга жила у меня,
Только теперь я живу под её обложкой.

Вот, например, Тициан написал Данаю,
Не понимаю, слышишь, не понимаю,
Как я однажды пропал, зацепился взглядом,

Вот и тебе говорю, не читай, не надо.

Эти стихи внутривенно в тебя войдут,
И постепенно станут составом речи,
Это как будто надежду иметь в аду,
Где ни пространство, ни время уже не лечат.

Это когда на вопрос: «а чего ты плачешь?»
Будешь качать головой и шептать: «не знаю»
Верь мне, там каждая строчка чего-то значит,
Вспомни, что я говорил тебе про Данаю,

Я прилечу к тебе знаками из огня,

Пусть даже в этих местах запретят полёты,
Мы обязательно встретимся за переплётом,
Не заходи в эти воды, дождись меня.

Всё меняется, милая, даже в крошечном аду,
Появляется свет, и трепещут суровые бесы,
Я иду к тебе, слышишь, по темным дорогам иду,
Совершенно один, в окружении мертвого леса.

Говоришь, первобытный за нами отправился страх,
И, возможно, вселенная больше не выдаст ни знака,
Почему тогда ведьмы горят на высоких кострах,
И старик Тарантино сидит у плиты Пастернака?

За меня не волнуйся, сквозь ветки виднеется небо,
На ночную тропинку рассыпалась звёздная крошка,
А ещё есть немного анисовой водки и хлеба,
Деревянные чётки и Брэдбери в мягкой обложке.

Сколько раз ты ныряла за мною на самое дно,
Находила живым в лабиринте разрушенных зданий.
Я несу тебе, милая, лучшее в мире вино,
И какие-то пряности – в жизни не вспомню названий...

Письма из Армении

Любимая, здесь солнце как огонь,
Под окнами река и кипарисы,
Покуда ночь в чернильные кулисы
Не опускает мягкую ладонь,

Я не пишу ни строчки, только тьма,
Даёт необходимую отвагу,
Чтобы марать невинную бумагу,
Как верный способ не сойти с ума.

Придумав оправдание словарю,
Что круг общения оказался узким,
Теперь я только думаю на русском,
При этом, ничего не говорю.

Очертит горизонт в стекле оконном
Мой буквенный корабль давший течь,
Я постепенно покидаю речь,
И становлюсь лексически бездомным.

И муза (эта хитрая транда)
Почувствовав внезапную угрозу,
Заставила меня зарыться в прозу,

Иначе не закончу никогда

Роман, что поедает изнутри,
При помощи бессонницы и граппы,
Он разделяет ночь на два этапа,
И это так красиво, посмотри.

Я как-то отвык от рождественских снов, а нынче,
Проснулся и помню: светильник, графит, картинки.
Мне снилась сырая тюрьма в иллюстрации Линча,
Где узкие окна неспешно вдыхают снежинки.

Он пишет метели, засыпанный снегом ельник,
Где с помощью ластика можно стирать века,
Он в реку бросает лёд, и молчит река,
Как мир замолкает на время в святой сочельник.

Родная, там добрый охранник с зашитой бровью,
Принес мне письмо, на котором твоя печать.

Ты руку порежешь, а я истекаю кровью,
Ты плачешь над книгой, а мне тяжело дышать.

Там хрупкий морозный воздух парил в окне.

В разбитых ботинках, прижавшись к сырой стене,
Я был абсолютно счастлив крупинкам снега,
Как будто бы это ты написала мне.

Литвиновичу

Мы знакомы, Ван Гог, уже несколько тысяч лет,
И чего только не было: войны, чума, потопаы.
Помню, кельты вторгаются в Западную Европу,
А у нас разговоры: «Исайя и Ветхий Завет».

Я люблю вспоминать это время, где каждый день,
Для того, чтобы выжить, смиренно идёшь по краю,
Нас учили охотиться лучшие воины Майя,
И под лёгкими стрелами падал в траву олень.

Было много морей, островов и ночных дорог,
Перед тем как попасть в пустыню, где жил пророк...

Наши спины тогда обжигал Палестинский зной.
Помнишь жаркое утро? Песок и горячий ветер.
Мы сидим у причала и чиним большие сети,
А Господь говорит Андрею: «пойдем со мной».

Мы оставили лодки и были повсюду с Ним,
Больше тысячи дней, а потом Он ушел на небо,
И отныне Он с нами в любом преломлении хлеба,
Со слезами в глазах оставляющий Ершалаим.

У магазина, бродяга с глазами старца,
Мне говорит: «ты послушай сынок, послушай,
Эти пустынные улицы – наши души,
Время на них оседает песочным кварцем».

#

В наших краях я не видел его ни разу,
Ветхозаветен, но вроде одет по моде,
Кажется, он единственный, кто свободен
И никуда не прячется от заразы.

#

– Хочешь вина, – говорит, – прямиком из рая,
Если, конечно, сухое тебе по вкусу?
То ли стеклянные четки, а может бусы
Пальцы его огрубевшие перебирают.

#

Это так странно, весь мир разделен на части,
Только бродяга не знает совсем об этом,
Пьет молодое вино с молодым поэтом
И говорит: «одинокчество – это счастье».

#

Тучи свинцом наполнились, дождь по крышам,
Не попадая в ноты играет Баха
Лишь для меня и бродяги. И нету страха...

Я и забыл, что случайно за хлебом вышел.

Я без тебя не имею смысла,
Видишь, порезана ночь на доли,
Мы переходим большое поле,
Ты только память, слова и числа...

Я без тебя не покину дома,
Там за порогом сплошная пустошь,
За ночь тоской зарастая густо,
Словно ребенок боится грома.

Поговори со мной, хоть немного,
Ветер гуляет в полях цветочных,
Время избыточно, ночь бессрочна.
И постоянно зовёт дорога,

Это под кожей вода морская
Манит увидеть другие страны.
Мне без тебя ни одна Тоскана
Не воплощение земного рая.

Мне без тебя ничего не ново,
Вещие снятся сны не в руку,

Я без тебя – сочетание звуков,
Так и не ставших заветным словом.

– Я во сне тебя предал совсем легко,
По хрустальной ключице провел рукой,
Обнаженное сердце твое достал
И отправился в ночь, по таким местам,

Где в открытых тавернах блестят ножи,
Где огромные замки стоят на лжи,
Там...

– Постой, по порядку мне все расскажи,
За какими морями твой сон лежит,
Сколько раз ты входил в ледяной туман
И какие в том мире стоят дома?

– То, что принято сказкой считать у нас,
То, во что не поверит ни слух, ни глаз,
В этом мире живёт посреди людей,
И деревья на мертвой стоят воде.

– Это, будто бы, серия «Ведьмака»,
Я представила: скалы, огонь, река...

Почему у тебя так дрожит рука?

– Я принес твое сердце к большой реке,
По которой Харон перевозит души,
И остался с тобой за пределом суши,
Поцелуем Иуды в холодной щеке.

Ночь укутала лодку чернильным пледом,
Я во сне тебя предал, ты слышишь, предал...

– Ты не все рассказал мне, я там была,
Ты бежал и тебя поглощала мгла,
Все надеялась, что повернешь назад,
Только ты напрямиком направлялся в ад,

Но когда ты упал и разбил лицо,
Блудный сын позабытый своим отцом,
И заплакал в высокой траве безвольно,
Непомерную тяжесть устав нести,

Моё сердце спросило: «тебе не больно»?
Мое сердце пыталось тебя спасти.

Милая Фиби, а небо опять решето,
Я не писал тебе вечность,
Прости, родная,
Ночь, о которой почти ничего не знаю,
Тихо мне шепчет: «начало письма не то».

Ты говорила, что ночь, как хозяйка лжи,
Может надеяться лишь на эффект плацебо,
Есть только два начала – вода и небо,
Все остальное, Фиби, во тьме лежит.

Все остальное имеет предел и цену.
Я поселился, Фиби, в такой глуши,
Где продают последнее за гроши
И от большого мира возводят стену.

Здесь колдовские озера, леса и граппа,
Люди как-будто явились из книжных страниц,
Я никогда не видел подобных лиц,
Городом правит башмачник Медвежья лапа.

Тело его не берут ни одни ножи,
После семи покушений остался жив,

С камнем на шее в озёрную глубину
Дважды был брошен, на ощупь бродил по дну.

Я безнадежно влюбился в его жену.

Кожа ее пахнет ладаном и санталом.
Подозреваю, что это весьма опасно.
Я безобразен, Фиби,
Она – прекрасна,
Будто начало истории с грустным финалом.

Фиби, а счастье – когда ничего не надо,
День догорает, и так же как год назад,
Я зажигаю лампу, спускаюсь в сад,
И не могу надышаться ночной прохладой.

Мои стихи плывут издалека,
Какой-нибудь смотритель маяка,
У берегов Исландии находит
Их тонкие прозрачные тела,
Одетые всегда не по погоде.

А после отправляет их ко мне,

Холодной фразой брошенной в окне,
Бескрайним морем победившим сушу,

Предчувствием, что нужно их спасти,
Что я обязан это написать,
Иначе буду изнутри разрушен.

И все мои несбыточные сны,
В Исландии далекой рождены.

Я видел, как они при лунном свете,
Там где вода и пламя побратимы,
(Как будто бы сошедшие с картины).

На изумрудном запусении вод,
За руки взявшись водят хоровод,
Вокруг костра из неокрепших строчек,

И те стихи, что выживут в огне,
Ворвутся в дом мой на большой волне,
Однажды посреди бессонной ночи.

– Спишь?
– И не думаю.

– Поговори со мной.

Вот уже несколько месяцев мне не спится,
Этот июнь проливает на крыши зной,
Этот июнь называет меня убийцей.

С этого времени в непроходимой чаще
Сон истончается. Я просыпаюсь в пять.
Тот нерождённый снится теперь все чаще,
Тот нерожденный: «мама, давай играть».

Как-то во сне я держала его в горсти,
Хрупкое тело пытался разрушить ветер,
Если однажды увижу его при свете...

Маленький мой, умоляю, прости... прости...

Я обниму его и поспешу сказать:
«Мой драгоценный, мы тоже теперь неживые...»

Тот нерожденный носил голубые глаза.
Я почему-то уверена – голубые.

– Ты говорил мне тогда, что нельзя иначе,
Что непременно все будет у нас хорошо.

– Мне показалось, будто ребенок плачет.

– Не показалось,
Смотри,
Это он пришел...

Письма из ссылки

Мне так холодно, любимая,
Сдоба северного города
И кварталы нелюдимые,
Не спасут меня от холода.

Не согреет солнце мнимое.
Не придет весна-кудесница.
Одиночество, любимая,
Здесь живет под старой лестницей.

Нас не много: два отшельника,
Семь монахов, три юродивых.
Я дружу с одним мошенником,
Говорят, убийца, вроде бы.

Он из бревен церковь выстроил.
Если верить настоятелю,
Не возьмут ее ни выстрелы,
Ни враждебные объятия.

Прибывая здесь физически,
Я живу воспоминанием.
Если вдуматься, фактически,

Можно красть у расстояния

Километры рельс и щебни,
Шпал извечную протрузию.
Нет, любимая, ни времени,
Ни разлуки – все иллюзия.

Прыгнул в прорубь на Крещение.
Сделал над собой усилие.
Много сильных ощущений
И традиция красивая,

Но зимой купаться – уровень
Подросткового проказника.
Увлекаясь процедурами,
Мы душой ушли от праздника.

Посылаю книгу повестей.
Передай ее издателю.
Гонорар возьми по совести,
Мы с ним давние приятели.

Трудно выжить здесь без вымысла.
Всюду нервы оголенные.
Не пиши, что дочка выросла,
Лучше, что-то отдаленное:

Что река уже растаяла.
Что в семье Поповых «прибыло».
Что томаты в погреб ставила
И в потемках палец выбила...

Здесь, монах один, любимая,
Высек на стене латынью,
«Что блаженны все гонимые,
И что смерти нет отныне».

Умный взгляд, на щеках впадины.
В профиль – вылитый Кустурица.
Если он коснется ссадины,
То она в тот час рубцуется.

Тусклым светом склоны голые,
Полнолунию обязаны.
По ночам здесь пахнет смолами
И запретными рассказами.

Жизнь – цинична и расчетлива,
Только, все ведь, относительно...
Здесь, особенно отчетливо,
Слышишь проповедь Спасителя.

Электронное письмо буддисту

Добрый вечер, буддист,
Человек без эмоций и денег.
Помнишь, вместе чудили?
Теперь ты степенный и лысый.
Скоро в городе нашем зима
Все деревья разденет.
Среди русских берез
Кривоногим торчу кипарисом.

Я ушел на войну. Враг свиреп.
Вместо ружей молитва.
Генералы читают Псалтырь
С наступлением ночи.
Эти лица, буддист,
Никогда не выдавшие бритвы,
Среди прочих солдат
На войне именуются Отче.

Началось все с костра
Из недавно прочитанных книжек.
Гарри Поттера сжег, фильмы Квентина,
Фрейда и прочих.
Лысый друг, ты, наверное, скажешь,

«С ума что ли выжил?»
Для ответа я выйду из ритма
И выправлю почерк.

Войско Отца и Сына
С ними ведет войну.
Я разлюбил Тарантино
И полюбил тишину.

Книга. Ночь. На столе запотевший
Стаканчик граппы.
Город спит, просыпается совесть,
Тяжелый случай.
Я ведь папа, буддист,
Знаешь, как нелегко быть папой?
Этой главной науке, лысый,
Никто не учит.

Сколько лишнего: формулы, даты,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.